

* * *

Я хочу позабыть своё знание.
Лучше плакать потом, чем заранее
Соль держать в осторожной горсти.
Жизнь, прощаю тебе ускользание,
Ты же мне торопливость прости.

...Мы тогда не играли, мы знали:
Жизнь прожить — будто час на вокзале
Простоять среди прощаний и встреч.
Кем бы мы друг для друга ни стали,
Ничего невозможно сберечь.

Плещет ветер в лицо одичалый,
Неизвестностью дышит начало
И попахивает ворожкой.
Как опасно стоять на пороге,
Если в помыслах дерзки, как боги,
Коль свободный ты и одинокий
Просто лишь потому, что живой...

* * *

По суетным словам скользить губами,
Что капли слушать в водосточном гаме.
Но нарастает гул между висков...
И молодость — просвет меж голубями,
Летащими над нами высоко...

Коснёшься слов — моргнёт судьба слепая,
Качнётся ветка, листья осыпая, —
Несказанного слова темнота.
А вдруг во сне его — воронья стая
И струйка изумлённая у рта?

Запомнись так, пока дыханье ровно,
Пока стихи легко и полнокровно
Живут во всех предчувствиях твоих.
С руки последний голубь твой отпущен...
Как спящие нежны и всемогущи,
Разгадки наших судеб затаив...

* * *

Я с варежек роняю мокрый снег,
Остатки солнца в золотых сугробах,
И дышит жизнь, как девочка во сне,
Не трогай

Там мама ставит часики на семь
И в сон уходит белыми плечами.
Я умненькая (глупая совсем)
В начале

Я выкормлена тёплым молоком,
Но тельце школьной формой окутав,
Я изучаю страх под языком –
Откуда

Я различаю трещины в коре
Земли, что держит и меня и маму,
И смотрит мёртвый голубь во дворе
Упрямо

В меня, а там в солёной глубине
Едва качнётся стрелкою минутной
Резиночка от варежки ко мне –
Мой грязно-белый стропик парашютный.

* * *

Алое зёрнышко,
След восьмигранной звезды,
Как уцелеть от космической той мерзлоты
В детском испуге далёком?
Будто со снимка застывшего, из-под стекла, —
Чувствуешь? — как потаённо слеза потекла,
Будто бы ниточка с богом.

Алое зёрнышко, бродит гранатовый сок!
Линия жизни — скольжение наискосок
Вниз, до развилки упругой. —
Зло и добро, день и ночь, два крыла, две руки,
Два тонких берега невозмутимой реки
Только и живы разлукой...

Чья в тебе сила? — И бога, и дьявола след.
Сердце в начале строки, а на выходе — свет,
Чтоб далеко засмотреться...
Даже когда целый мир ослепляет глаза,
Ты будешь найдено, если тропинка — слеза,
Алое зёрнышко,
Сердце...

* * *

Я плакала у ветра в рукаве.
До ливня, до колодезного эха.
А ветер мёл руками по траве,
И смерть росла до краешка, до верха:

Переходя черту, где гаснет свет.
Я в мокром платье, сопли утираю,
Расту, роняю чашку, умираю,
Во дворике забыв велосипед...

Нам никогда не выйти из дождя,
Он льёт из нас — от всхлипа до рыдания.
Как затянулось детское гаданье,
Где жизнь и смерть сошлись полушутя!

Замри, замри, монетка, на лету
Над хлипкой решкой и орлом суконным,
Покуда мир темнеет, как икона,
И лица западают в темноту...

* * *

Ты знаешь, как небытие приходит
Из глубины молчащего нутра?
И ты стоишь на том же месте вроде,
Где жизнь была свободна и пестра.

Но распускает камешек кругами
Сомнение по дремлющей воде.
Ах, чьими, боль, ты сделана руками? —
Не скажешь по сердечной борозде.

Откуда тьма случается на свете?
Кто здесь творец всевышних перемен,
Что плачем мы, как брошенные дети,
Когда ещё не брошены никем. . .

* * *

Полжизни на ладони улеглось —
И в память опадает гам вороний.
И, в темноту подмешивая злость,
Я вглядываюсь в свет потусторонний:

Откуда он сочится, кто ушёл
И двери за собой неплотно запер,
Рассыпав в небо белый порошок,
Как будто соль нечаянно на скатерть?

Повремени, последняя строка,
Дыханьем в неразбуженной лавине:
Я вытяну судьбу из узелка,
Я не оставлю так, на половине!

Но жжёт меня, до горечи во рту,
Слабинка, червоточинка распада:
Как над землёю холодно к утру!
Как будто две строки до снегопада.

* * *

На бельевой верёвке за окном
Спят капли, пропустившие минуту,
Когда зима прошла сквозь этот дом,
А нас не разбудила почему-то.

И в этом сне мы долго не умрём,
Пусть мы не знаем (мы и так не знали),
Что происходит в воздухе сыром,
Пугливом, как забытый звук в рояле.

Пусть паучок снуёт у потолка,
Мы часть его пейзажа — ну и что же?
И выпускает спящая рука
Ключи от городка, куда мы вхожи.

И падают они сквозь ветхий пол,
И город исчезает постепенно.
И всё, что в нём томилось до сих пор,
Осело и растаяло, как пена.

И только снег очнулся и пошёл,
Сугробами пустыми громохая.
Прости меня, что нам нехорошо.
Что жизнь длинна, как музыка плохая.

* * *

Как в замедленном кадре мы
Через пристальный сад
Бродим тропами карими.
...Или листья летят?

И по самое горлышко
Налита тишина
В этот флигель, опомнившийся
Ото сна.

Здесь ни боль моя русская,
Ни слова не нужны.
Здесь великая музыка
Спит внутри тишины.

К ней, как к тайному зареву,
Подойти горячо.
Ты возьми меня за руку —
Просто так, ни о чём.

Чтобы пульс одинаковый
Бился в небо, пока
Сыплют нотными знаками
Над землёй облака,
Сыплет палыми листьями
Летний день кочевой.

Ничего не бессмысленно.
Ничего.

* * *

Длинную прядь наматывая на палец,
Реку холодную пересекая вброд,
В летнее солнце, слёзы стирая, пляясь
И забывая, кто первым из нас умрёт,

Трогая ступнями пепел дороги длинной,
Лямку вернув на выжженное плечо,
Я оставалась вечной — читай: любимой,
И потому не думавшей ни о чём...

Свежезаваренным чаем слегка горчило,
Горький, зелёный лился в окно сад.
Я не хочу говорить, да и ты молчи, но
Не уходи, сядь...

Как она греет, медного солнца залежь
Где-то под сердцем — тайна, ни дать ни взять!
Сколько мне жить осталось, ты знаешь, знаешь?
Я не хочу знать.

* * *

Оставайся будущим светом в ночном окне.
Если сбудешься — я остыну, не ровен час...
Человек — это сумма случившегося и не.
Я хочу смотреть только вторую часть.

В ней дрожит пружина ветреной ДНК.
В ней углями дремлет белый до ночи свет.
В ней сопит дитя, не родившееся пока.
В ней мы есть на земле, потому что на ней нас нет.

